

Столяр 1971 — *Столяр А. Д.* «Натуральное творчество» неандертальцев как основа генезиса искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971. С. 118—164.

Таксами 1977 — *Таксами Ч. М.* Система культов у нивхов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977.

Туголуков — *Туголуков В. А.* Кто вы, юкагиры? М., 1979.

Турилов — *Турилов А. А.* Народные поверья в русских лечебниках // Живая старина. 1998. № 3. С. 33—36.

Тэрнер 1983 — *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.

Фамицын 1889 — *Фамицын Ал. С.* Скоморохи на Руси. СПб., 1889.

Хангалов — *Хангалов М. Н.* Собр. соч. Т. 1—3. Улан-Удэ, 1958—1960.

Харузин 1889 — *Харузин Н.* «Медвежья присяга» и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов // Этнографическое обозрение. 1898. Кн. 38—39. № 4.

Цинциус 1974 — *Цинциус В. И.* Обрядовый фольклор негидальцев, связанный с промыслом // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.

Черепнин 1929 — *Черепнин Л. В.* Из истории древнерусского колдовства XVII в. // Этнография. 1929. № 2.

Шренк 1903 — *Шренк Л.* Об инородцах Амурского края. СПб., 1903. Т. 3.

Штернберг 1916 — *Штернберг Л. Я.* Античный культ близнецов при свете этнографии // Сб. Музея антропологии и этнографии Академии наук. Пг., 1916. Т. 3. № 2.

Штернберг 1933 — *Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи, гольды, нигидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Ядринцев 1890 — *Ядринцев Н. М.* О культе медведя, преимущественно у северных инородцев // Этнографическое обозрение, 1890. Кн. 4. № 1.

Speck 1935 — *Speck F.* Naskapi. The savage hunters of the Labrador Peninsula. 1935.

Принятые сокращения

ЛА — личный архив.

ФА ИГПУ — фольклорный архив Иркутского государственного педагогического университета.

Summary. *The article is devoted to a problem of a current state of national stories about hunting for a bear, occurring among the Russian old residents living in territory of Irkutsk, Chita areas, Krasnoyarsk region, Republics of Buryatiya, Sakha (Yakutia). Materials of the article can be used as bases for reconstruction of a slavic bear cult.*

Key words: *national verbal culture, a bear folklore ethnography, Russian old residents of Siberia.*

В. Л. КЛЯУС
(Москва)

К ВОПРОСУ О БЫТОВАНИИ БЫЛИНЫ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ У ЗАБАЙКАЛЬСКИХ КАЗАКОВ

Аннотация. *Статья посвящена былинам, бытовавшим в Забайкалье. В ней анализируется запись пересказа сказки об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, сделанная автором в 2008 г., которая однозначно свидетельствует о бытовании этой былины у забайкальских казаков.*

Ключевые слова: *русские былины, Илья Муромец и Соловей-разбойник, фольклор Забайкалья.*

Собрание и изучение русского эпического фольклора, бытовавшего за Уралом, началось в XIX в. и активно продолжалось в XX в. Сегодня, к сожалению, мы должны констатировать, что эта традиция ушла, хотя исследователи не теряют надежды зафиксировать в том или ином виде следы ее бытования.

История формирования эпического репертуара сибиряков и характерные особенности его сюжетики описаны Ю. И. Смирновым в фундаментальном сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»), вышедшем в 1991 г. Характеризуя общие результаты исследования, он отметил, что не Поволжье и не казачий юг России, а Сибирь по числу записанных русских эпических произведений и по числу зафиксированных сюжетов уступает только Русскому Северу...» [Смирнов 1991, 44].

Действительно, количество текстов, найденных автором указанного исследования в печатных изданиях, в архивах и во время собственных полевых исследований, значительно — это около 800 вариантов эпических произведений, содержащих 146 сюжетов былин, баллад, скоморошин и исторических песен XVI—XVIII вв. [Там же]. Но необходимо сказать, что не всем зауральским регионам в этом от-

ношении «повезло». И дело не в отсутствии самой эпической традиции как таковой. Я могу только согласиться с Ю. И. Смирновым, что нельзя «с горечью не признать, что Сибирь в отношении русских эпических текстов — это скорее край безвозвратно упущенных возможностей, нежели место строгой собирательской работы и ее серьезных результатов» [Смирнов 1991, 45]. В первую очередь это относится к эпическому репертуару Забайкалья.

Ю. И. Смирнов характеризует забайкальские записи вместе с эпическими текстами южного Прибайкалья и Амура, что, на мой взгляд, не совсем корректно, учитывая историю заселения этих земель.

Все былины ранних записей (XIX — начало XX в.) имеют стихотворную форму. Но это всего лишь шесть текстов, и они опубликованы (четыре) или упомянуты (два) в собрании Ю. И. Смирнова.

Былина «Ставер Гоудинович» [Там же, 247—250, № 131] записана, видимо, по просьбе нерчинского купца М. А. Зензинова (обнаружена в его бумагах), умершего в 1870-х гг., т. е. относится, как минимум, к середине XIX в. Впервые она была опубликована Н. К. Мендельсоном [Мендельсон 1897]. Место ее записи указано как «деревня С...». Относился ли ее исполнитель к казачьему сословию — неизвестно. Однако Ю. И. Смирнов, комментируя текст, указал на его связь с забайкальской былиной «Тихий Днепр и Настасья Королевична», а именно на перенос из последней в былинку о Ставре мотива похвалы героя умением его жены стрелять из лука [Смирнов 1991, 410], что, возможно, является косвенным свидетельством бытования былины в казачьей среде.

Три других забайкальских былины известны по «Сборнику песен Забайкальского казачьего войска» [Сборник 1916, 137—140]¹ — «Скимон-зверь» [Смирнов

¹ Достаточно долго считалось, что все три былины записаны А. Г. Эповым в 1909 г. Но как показал В. С. Левашов, в личном архиве которого хранится рукопись Эпова, этот исследователь забайкальского фольклора, будучи студентом, использовал тексты «Сборника песен Забайкальского казачьего войска» при написании своей учебной работы [Левашов 1998, 87—91].

1991, 60, № 4], «Тихий Днепр и Настасья Королевична» [Там же, 199—200, № 90], «Добрыня и Алеша отпрашиваются ехать искать Илью Муромца» [Там же, 228—229, № 121].

«Сборник песен Забайкальского казачьего войска», который был издан малым тиражом в 1916 г. в Чите войсковым хозяйственным правлением «по распоряжению Военного Министерства», до сих пор остается самым крупным собранием песенной лирики забайкальского казачества. Целью издания, как говорится в предисловии, было «закрепить в памяти потомства, сохранив по возможности особенности местного наречия, песни, которые являются живыми памятниками возникновения, роста и развития Забайкальского казачества» [Сборник 1916, П]. Кто являлся собирателем песен, составителем сборника, неизвестно, но, без сомнения, это были энтузиасты, знающие и понимающие народную поэзию, но мало знакомые с научными принципами издания фольклорных произведений. В 2009 г. «Сборник...» был переиздан [Сборник 2009].

В 1913—1914 гг. на Амуре в казачьих станицах побывал М. К. Азадовский, который помимо прочего записал две былины «целиком» и «несколько былинных отрывков» [Азадовский 1914, 41]. Но эти материалы утрачены, и лишь в фондограммархиве Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН сохранился один из восковых валиков собирателя, на котором записаны «уверенно пропетые одиноким мужским голосом» [Смирнов 1991, 41] две былины — «Иван Гостиный сын» и «Ставер Гоудинович». По причине плохой сохранности воскового носителя они до сих пор не расшифрованы и не опубликованы полностью [Добровольский, Коргузалов 1981, 551—552; Смирнов 1991, 41].

Учитывая регионы, где были сделаны эти записи, можно быть уверенными в том, что они представляют одну былинную традицию — забайкальскую и исторически связанного с ним амурского казачества [Смирнов 1994, 41—52].

На бытование в казачьей среде, хорошо знакомой с воинским укладом, который связан с дальними конными походами, указывают и отдельные строки забайкальских текстов. Особенно по-

казателен в этом отношении зачин былин «Добрыня и Алеша отпрашиваются ехать искать Илью Муромца»:

Издалека, далека, из чиста поля
Выезжали два братца родимые,
Ухо в ухо бегут, стремя о стремя...
[Смирнов 1991, 228—229, № 121].

Формула *ухо в ухо бегут, стремя о стремя*, обозначающая, что Добрыня и Алеша едут вровень (см. синонимы к этому наречию в [Абрамова 1999]), в забайкальской былине отличается своеобразием. Ее аналоги мы встречаем только в некоторых зачинах эпических песен на сюжет «Алеша Попович и Тугарин Змей», с которыми, видимо, забайкальский текст связан эволюционно:

Из славнова Ростова, красна города,
Как два ясныя соколы вылетывали,
Выезжали два могучия богатыри:
Что по имени Алешинька Попович

млад

А со молодом Екимом Ивановичем.
Оне ездят, богатыри, плеча о плечо,
*Стремяно в стремяно*² богатырское ...
[Кирша 1977, 98].

Ай во славном-то было-то
в прекрасном Острови, <...>
Выежают два дородья добра молодца,
<...>

Во первьих-то всё Олешенька
Левонтёвич,
Да Левонтёвич Олешенька Поповиць
млад,

Во вторых-то ведь крестовой ево
братёлко
Ишше тот ли Еким да всё Ивановичь.
Они едут, едут братыча крестовья,
Они бок ведь ом бок ведь едут, плецё

ó плечо,

Нога ó ногу гуляют, стремя ó стремя...
(Записано от А. М. Крюковой) [Марков 2002, 200].

Забайкальский вариант этой формулы отличается от приведенных большей экспрессией. Богатыри не *едут* и не *гуляют*, а *бегут* *ухо в ухо*, *стремя о стремя*, что больше напоминает не размеренную поездку, а атаку казачьей конницы. Так, в «Краткой исторической справке о Донских казачьих полках 1812 г.», в частности, читаем следующее: «Лава — удобоподвижный, развернутый, но бесформенный, т. е. неподдающийся никакой регламентации или уставным

правилам излюбленный боевой казачий строй, изобретенный и разработанный самими казаками <...> При построении сотнею лавы назначался всегда из ее состава «маяк» из урядника и из 6—8 казаков, которые построившись в одну шеренгу (т. е. рядом, *стремя в стремя*, один от другого) держались середины лавы» [Справка 1915, 37—38].

В качестве примера поэтического осмысления казачьей атаки можно привести строки из стихотворения известного казачьего поэта Николая Туровева «1914»:

Казаков казачки проводили,
Казаки простились с Тихим Доном.
Разве мы — их дети — позабыли,
Как гудел набат тревожным звоном?
Казаки скакали, тесно стремя
Прижимая к стремени соседа.
Разве не казалась в это время
Неизбежной близкая победа?

Комментируя забайкальскую былинку «Добрыня и Алеша отпрашиваются ехать искать Илью Муромца», Ю. И. Смирнов пишет, что ее текст, вероятно, оформился уже в Забайкалье: «Более всего он похож на укороченные хороводные песни, которые казачья среда создавала из былин, и очевидно, таковым и был» [Смирнов 1991, 407].

По шести произведениям достаточно сложно охарактеризовать былинную традицию забайкальского и амурского казачества. Как указывает Ю. И. Смирнов, амурские тексты «Иван Гостинный Сын», «Ставер Гоудинович» и забайкальский «Тихий Днепр и Настасья Королевична» по своему происхождению связаны с традицией западной части Русского Севера; былина «Добрыня и Алеша отпрашиваются ехать искать Илью Муромца» — со средней полосой России, но в Забайкалье она, видимо, также попала через западную часть Русского Севера; забайкальский вариант былин «Ставер Гоудинович» является производной версией алтайского типа [Смирнов 1991, 40, 41, 399, 407, 410]. По мнению В. С. Левашова, другая былина — «Скимон-зверь» — также соотносится с алтайской традицией [Левашов 1998, 54].

Известны также две записи былин в Забайкалье и на Амуре, сделанные во второй половине XX в., которые имеют уже эволюционно более позднюю проза-

² Здесь и далее курсив в цитатах наш. — В. К.

ическую форму. В 1968 г. Р. П. Матвеева записала от И. А. Комарова, 69 лет, в с. Болдыревка Завитинского р-на Амурской обл. «Повесть про Илью Муромца» [Смирнов 1991, 247—250, № 166], содержащую контаминацию сюжетов «Исцеление Ильи», «Бой русских богатырей с татаринoм», «Ссора Ильи с князем Владимиром» и «Илья и Соловей-разбойник». В 1974 г. В. П. Зиновьевым от У. Ф. Сычевой на разъезде Шапка Сренгенского р-на Читинской обл. была записана былина «Исцеление Ильи Муромца» [Там же, 60—61, № 6].

Публикуя их, Ю. И. Смирнов высказал сомнения относительно забайкальского происхождения текстов, так как «Повесть про Илью Муромца» была записана «в крестьянской среде поздних переселенцев на Амуре» [Там же, 41], а «Исцеление Ильи Муромца» — от уроженки Воронежской обл., которая проживала в Забайкалье с 1930-х гг. и «свой текст, скорее всего, принесла с родины» [Там же, 373].

Таким образом, можно сказать, что от забайкальских и амурских казаков, а также их потомков не была записана ни одна былина о главном русском богатыре — Илье Муромце³. Он лишь упоминается в былинах «Добрыня и Алеша отпрашиваются ехать искать Илью Муромца», а также в амурском заговоре «от колотья» (хотя, судя по тексту, он был предназначен для лечения «сглаза»), записанном М. К. Азадовским зимой 1914 г. в казачьем хуторе Новый на Амуре. В нем исполнительница обращается с просьбой о помощи к Богородице, а вместе с ней к былинным (*батюшко Владимир, Илья Муровец*) и, видимо, сказочному (*Фрёл-Орёл*) персонажам:

«Стану я, раб Божий, Орина, богословесь, пойду перекрестесь, из избы дверьми, со двора воротами, на высоко восточну сторону, на океян-море синее. На океян-море синим есь остроф, на етим на острове есь камень, на етим на камне стоит собор, во етим соборе престол, за етим за престолом Фрёл-

³ Текст «Про могущественного богатыря Илью Муромца», якобы записанный А. В. Гуревичем от уроженца с. Большой Соктуй Борзинского р-на П. Е. Киберова в 1936 г. [Гуревич 1938, 175—176; Левашов 1980, 13—39], по признанию исследователей, не является достоверным [Левашов 1998, 40].

Орёл, батюшка Владимир, Илья Муровец, запрестольная Матушка Богородица. Фрёл-Орёл, батюшко Владимир, Илья Муровец, Матушка Богородица, пришъла к вам попросить и помолить от ыкотоф, от ломбоф, от ныты, оддфки прбстovolóски, от мужика пер.на, оддиково глазу, от ветреново перелому» [Азадовский 1914а, 08, № 13].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в среде забайкальских и амурских казаков действительно бытовали эпические тексты об Илье Муромце, хотя они и не зафиксированы собирателями. В 1991 г. Ю. И. Смирнов писал: «Судя по записям отдельных эпических текстов, сделанным в последнее время <...> еще не исчерпаны возможности обнаружения в Забайкалье сказок на былинные сюжеты, баллад и фрагментов старших исторических песен» [Смирнов 1991, 40]. Мои полевые исследования подтвердили это.

В 2008 г. я побывал в с. Дано Калганского района Читинской области (ныне — Забайкальский край). Мой интерес к этому селу, которое когда-то было Донинской станицей Забайкальского казачьего войска, вызван несколькими причинами. Во-первых, в конце XIX — начале XX в. здесь собирал фольклорно-этнографический материал К. Д. Логиновский. В частности, он записал от казаков станицы и опубликовал несколько весьма любопытных заговорных текстов. Во-вторых, в селе была восстановлена старообрядческая церковь, и на сегодняшний день это единственный храм в Забайкальском крае, принадлежащий ревнителям «древлего» благочестия. Третья причина — территориальная расположенность бывшей станицы. Она находится в относительной близости к российско-китайской границе, что позволило многим казакам вместе с семьями бежать в Китай в 1920—1930-х гг.

Временные рамки экспедиции и удаленность с. Дано не позволили поработать в нем долго⁴, но все же мне удалось собрать интересный материал и по истории бывшей станицы и ее жителей, по заговорно-заклинательному фольклору, но главное — обнаружить следы бытова-

⁴ Приношу свою благодарность О. Г. Назарову и Г. О. Назарову за содействие в этой поездке и помощь в работе.

Алексей Николаевич Козлов.
Село Дано. Фото автора

ния здесь былины на сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

О ней я услышал от Алексея Николаевича Козлова, 1926 г. р., коренного забайкальца, предки которого живут в Дано по крайней мере с XIX в. Они, как и все Козловы, по словам Алексея Николаевича, принадлежали к православной общине станицы. Казаки-старообрядцы, которых здесь называют «яицкие», жили достаточно обособленно, и их потомки, как следует из рассказов жителей соседних сел, еще до 1980-х гг. сохраняли традицию чашечничества.

После моих вопросов о богатырях Алексей Николаевич рассказал истории о своих односельчанах, которые славились недюжинной силой, показав себя замечательным исполнителем. Послушав его, я заметил, что «это был про богатырей», и спросил о сказках. И в ответ услышал: «Про Илья Муромца, это <...> Про Соловья-разбойника там рассказывали что-то».

К сожалению, Алексей Николаевич не вспомнил сказку в полном виде, пересказав по сути лишь ее сюжет:

Не собратся, подготовился бы я... Ну, как вот? О Соловье-разбойнике вроде писали, писали, рассказывали, что было древо где-то, где сидел Соловей-разбойник. И вот там, там, по-моему, однако, или Илья Муромец проезжал в Муроме куда-то, вот, прямой дорогой. Так она <сказка>, по-моему, где-то описана была.

решил проехать, и, видим, когда вот, вот ему сказали, доехал до селенья, что тут дальше нельзя ехать, владенья Соловья-разбойника. Вот. Он решил поехать. И вот когда ехал он, вот его на древу видел. От он <Соловей-разбойник> на его начал дуть как будто бы. И вот, но конь вроде его <Илья Муромца> пёшком пошёл, но он стеганул его, всё ж заставил идти, конь не шёл. Он вынул стрелу и рáнял его и, значит, привязал его взади в ноги, за седлой, привёз в этот, в стольный Киев-град, по-моему. Так что-то и вроде бы там привёз прямо во дворец к князю Владимиру.

Вот что-то такое, ну вот так это кратко эту вещь слышал, что как рассказывали, а потом я знаю, что где-то описывалось более подробно.

На вопрос о том, когда и от кого он слышал сказку, Алексей Николаевич ответил не задумываясь — в детстве, от Сусаньи Ивановны Козловой. Она жила по соседству, умерла в 97 лет, и потомков ее в Дано почти не осталось. На другой мой вопрос, как она ее рассказывала — «стихами или как сказку», — он ответил, что «не стихами, слово в слово». Если верить рассказчику, то он слышал эту сказку от нее где-то в 1930-е гг.

Сама ситуация беседы складывалась таким образом, что у меня была еще одна возможность попросить Алексея Николаевича рассказать про Илью Му-

<Расскажите, расскажите, что рассказывали!>

И вот, во стольный Киев-град проезжали они прямехонькой дорогой, значит, не было тут проезду, Соловей-разбойник этот. Но Соловья-разбойника в том, видимо, время считали как птица, эта же, видимо, подразумевает, может, человека, что который там заделать это место, не пускал никого, в объезд ездили. А это значит, сокращала путь, ездили же в основном. И вот этот Илья Муромец

ромца. Я рассчитывал, что второй раз в сказке появятся новые детали:

Но она как это... В некотором царстве, в некотором государстве. Вот. Но понимала <Сусанья Ивановна>, что стольный Киев-град был. Эт какой-то, я уж не интересовался. Что там была прямоезжая дорога, вот, где не пускал, охранял границу между этим градом и этим поселеньем, како-тот там деревню называла, что вроде сидел он на дереве. И... но она <Сусанья Ивановна> его, видимо, обращала как, рассказывала как птицу, должен быть это.

<Кто?>

Ну, этот Соловей-разбойник. Птицей он был. Мышление тако было <у Сусаньи Ивановны>, что это птица была. И вот когда этот Илья Муромец поехал, тут его предупредили селяне, что тут проезда нету, что тут находится Соловей-разбойник. Но Соловей-разбойник... Он <Илья Муромец> решил ехать. Он <Соловей Разбойник> его <Илью Муромца>, когда подъезжал, он его предупредил, а потом вроде дуть стал. Его <Илья Муромца> конь не пошёл. Вот. Он его стал принуждать, он не мог идти. Потом-от он стрелу вытащил, стрелил его. Да! Выбил ему око! Вот. И потом рáнял его, с этой стрелой прямо привёз, прямой дорогой привёз в стольный Киев-град ко дворцу князя Владимира. Вот.

Во втором тексте по сравнению с первым некоторые детали появляются другие опускаются. Оба текста, конечно, не являются сказкой как таковой, они лишь пересказ сюжета былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, перешедшей уже, видимо, в прозаическую форму, что в целом характерно для эпической традиции на последних этапах ее бытования.

Конечно, первый вопрос, который возник у меня по поводу данного текста: действительно ли он имеет устное происхождение? На свое знакомство с другим «текстом» указал сам исполнитель, несколько раз упомянувший, что сказка *где-то описана была*, что это *где-то описывалось более подробно*. В то же время его твердая уверенность в том, где, когда и от кого он ее слышал, точное указание на прозаическую форму, употребление отдельных характерных для эпоса эпитетов, комментарии о

том, как Сусанья Ивановна *обращала*, т. е. описывала, Соловья-разбойника, рассказывая о нем не как о человеке, а как о птице, а также отсутствие знаний о других богатырях, к примеру, Святогоре, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, — все это в совокупности позволяет утверждать, что Алексей Николаевич первоначально именно слышал эту сказку, а не читал ее в каком-то книжном источнике, не видел в кино и не слышал по радио. И это главное.

Стоит добавить, что уточнение Алексея Николаевича о том, как Сусанья Ивановна рассказывала — «слово в слово», — может указывать на речитативный характер текста или, во всяком случае, на использование ею при его исполнении художественно-образного языка, в частности постоянных эпитетов. Два из них, между прочим, появляются и в пересказе сказки: *стольный Киев-град* (2 раза и в первом тексте, и во втором), *прямёхонькая (прямая) дорога* (в первом тексте), *прямоезжая (прямая) дорога* (во втором тексте). Рассказчик употребил также слова, которые не использовались им в обыденной речи — *селяне, древо, око*. Кроме этого обратим внимание на то, что «немного подготовившись», т. е. рассказывая сказку второй раз, Алексей Николаевич начал ее типичным сказочным зачином: *В некотором царстве, в некотором государстве*.

Другое дело, что знакомство Алексея Николаевича с иным источником могло повлиять на описание некоторых элементов сказки. Этого мы полностью исключить не можем, но исполнитель явно затруднялся назвать, каков был характер этого источника — *где-то описана была*. В конце концов, кроме книги это мог быть и фильм «Илья Муромец», снятый в 1957 г. Александром Птушко, или даже *подробный* мультфильм «Илья Муромец и Соловей-разбойник» 2007 г. Владимира Торопчина.

Вообще, более престижная «книжная» традиция, да еще *подробно описывающая*, всегда влияет на состояние устной традиции, поэтому в целом удивляться плохой сохранности сказки не приходится. Но, тем не менее, опираясь на две записи, мы можем выделить и рассмотреть основные эпизоды ее сюжета, описание образов героев и их действий:

1. Илья Муромец едет в *стольный Киев-град* из Мурома и доезжает до какого-то селения (деревни).

2. От этого селения (деревни), имевшего конкретное название, до *стольного Киева-града* не было *прямоезжей (прямёхонькой, прямой) дороги*, так как границу между ними охранял Соловей-разбойник. Это были его владенья, и все ездили в объезд.

3. Илья Муромец решил ехать прямо. *Селяне* предупредили Илью Муромца о Соловье-разбойнике, но он не послушал их и все равно поехал.

4. Соловей-разбойник, больше похожий на птицу, чем на человека, сидел на *древе*.

5. Когда Илья Муромец на своем коне стал приближаться, то Соловей-разбойник сначала предупредил героя, видимо, сказав ему что-то, а потом стал дуть.

6. Конь Ильи Муромца замедлил свой ход, а потом вообще остановился. Илья Муромец его стеганул и заставил идти.

7. Илья Муромец вытащил стрелу, выстрелил и выбил Соловья-разбойнику *око*, ранив его.

8. Илья Муромец привязал Соловья-разбойника позади себя к седлу и со стрелой в глазу привез его в *стольный Киев-град* ко дворцу князя Владимира.

В других сибирских сказках об Илье Муромце мы нашли фрагменты, достаточно близкие по развитию сюжета к нашей записи:

<...> *Потом Илюшенька собрался прямым путем-дорожкой. Поехал Илюша в стольный Киев-град (Какой он там был!). И поехал он мимо Соловья-разбойника, который посвистом убивал за двенадцать верст. Доехал до Соловья-разбойника. И потом его конь [пал] накорочь от свисту от Соловьинного. Он и говорит: «Ах ты, собачья обедала, что ты боишься Соловья-разбойника?» <...> «Только собакам годишься!»... Он рванул его да и стеганул. Пошел конь. Не доехавши до Соловья-разбойника, стрелил его из своего туга лука каменной стрелой. Попал ему в правой глаз. И Соловей-разбойник упал с двенадцати дубов. Он слез с коня и взял его привязал в торока за правое крыло и повез в город. <...> [Смирнов 1991, 277]. Записано А. А. Савельевым*

в 1912 г. от неизвестного исполнителя в д. Ярки на Ангаре.

<...> *Как зачуял его <Илью Муромца. — В. К.> Соловей вор-разбойничек. И как свистнет. У Илюши конь стал на колени. Он ударил своего коня по крутым бедрам: «Что ты, волчий корм, травяной мешок!» А сам снимает с плеча лук дубовый, натягивает стрелу востраю и отпускает стрелу в Соловья вора-разбойника, которая угодила ему в правой глаз. И он свалился с дубов своих на землю. А Илья Муромец прискакал к нему, связал ему руки и ноги, привязал его к седлу в торока, и сам поехал далее. <...> [Там же, 279]. Самозапись Е. И. Сороковикова-Магая, 1930-е гг., Тункинская долина Бурятии.*

<...> *Он <Илья Муромец. — В. К.> вздумал (к) этому Соловью-свистуну ехать. Ехал он (к) свистуну. (Название-то уже забыл, каким месте он [ехал].) Значит, подъезжает он к свистуну, свистун свистнул, а у Муромца конь на колени упал. Да. Думал это: «Что такое, что за свистун Соловей?» Муромец берет стрелу и стрелил этого свистуна. Свистуна стрелил — один глаз вышиб, попал. Потом он свистуна берет раненого и завязывает за коня. И едет дальше. Едет дальше. Приезжает к царю, во дворец заезжает, заявляется. <...> [Там же, 289]. Записано Ю. И. Смирновым в 1982 г. от Ф. Е. Седых в д. Бирюк Олекминского р-на Якутии.*

Комментируя ангарскую, тункинскую и олекминскую сказки, в которых сконтаминировано по несколько былинных сюжетов об Илье Муромце (см.: [Смирнов 2010, 75, 77, 81]), Ю. И. Смирнов пишет о том, что в них сюжет об Илье Муромце и Соловье-разбойнике восходит к «черниговской» редакции былины, которая «на протяжении XVIII—XIX вв. распространялась не только устным путем, но и с помощью лубка и других популярных изданий» [Смирнов 1991, 420].

Сравнение фрагментов этих сказок, с нашими текстами показывает, что сказка Сусаньи Ивановны была ближе к былинному прототипу, хотя и неизвестный исполнитель на Ангаре, и Е. И. Сороковиков-Магай, и Ф. Е. Седых, без сомнения, были более талант-

Лубочная картинка «Илья Муромец и Соловей-разбойник», XVIII в.

ливыми рассказчиками, чем А. Н. Козлов.

В то же время в забайкальской сказке, пересказанной Алексеем Николаевичем, есть несколько своеобразных черт. Во-первых, Соловья-разбойника Сусанья Ивановна описывала сидящим на древе, как птица. Только в одном из приведенных фрагментов мы можем увидеть намек на это: Илья Муромец взял Соловья-разбойника, «привязал в торока за правое крыло и повез его в город».

Во-вторых, в отличие от перечисленных сибирских вариантов пересказа сюжета в забайкальском тексте сохранился мотив «Илья Муромец едет из Мурома в Киев к князю Владимиру, и возле какого-то поселения (в былине обычно это Чернигов, но есть и другие названия) жители предупреждают богатыря о том, что прямой дороги до стольного града нет».

Кроме этого, Соловей-разбойник в забайкальском тексте дует на богатыря, а не свистит. Ни в одной былине или сказке о Соловье-разбойнике я пока не нашел данного мотива. Но он все же присутствует в русском эпосе и связан именно с Ильей. В некоторых мезенских вариантах былины об Илье Муромце и Святогоре описывается эпизод, в котором Егор-Святогор отправляет Илью биться с паленицей: <...> *Вот Егор-Святогор говорит Илье: «Ты поезжай! Если можешь сбить — твоё золотом кольцо!» Тот, делать нечего, сел на коня и поехал, а этот остался за кустиком. Подъезжает он к ей. Она увидала. «Ох, Егор-Святогор кого послал, комара какого! Я дуну — так костей не найти!» Она дунула — он сидит. <...>* [Свод 2003, т. 3, 128]. Хотя, возможно, дуящий, а не свистящий Соловей-разбойник в сказке — позднее привнесение. Эта деталь как раз и может указывать на знакомство А. Н. Козлова с письменными источниками, а точнее — с картинками к былине об Илье Муромце и Соловье-раз-

бойнике, на которых (начиная с лубка XVIII в.) свист противника русского богатыря изображается обычно так, как будто он дует (см.: [Былины 1986, 61]).

Ю. И. Смирнов и В. С. Левашов, изучавшие эпические тексты забайкальских казаков, пришли к выводу, что они отличаются архаичностью, своеобразием развития некоторых мотивов, нетрадиционным прочтением отдельных образов и характером исполнения. С полным основанием это можно отнести и к приаргунской сказке об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Все это дает основание говорить о достаточно долгом бытовании былинной традиции в Забайкалье. Возможно, последующие полевые исследования в данном регионе позволят обнаружить и другие ее следы.

Литература

- Абрамов 1999 — Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под. ред. Н. Абрамова, М., 1999.
 Азадовский 1914 — Отчет о поездке по Амуру М. К. Азадовского // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1914 г. / сост. Н. А. Котляревский. Пг., 1914. С. 41—43.
 Азадовский 1914а — Азадовский М. К. Заговоры амурских казаков // Живая старина. 1914. Вып. 3/4. С. 05—015.

Былины 1986 — Былины / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1986.

Гуревич 1938 — Фольклор Восточной Сибири / Сост. А.Г. Гуревич. Иркутск, 1938

Добровольский, Коргузалов 1981 — Былины. Русский музыкальный эпос / сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981.

Кирша 1977 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. 2-е доп. изд. (Лит. памятники).

Левашов 1980 — Левашов В.С. Былина в Забайкалье. Иркутск, 1980.

Левашов 1998 — Левашов В. С. Региональные особенности русского фольклора Забайкалья. Ч. 3. Героический эпос. Чита, 1998.

Марков 2002 — Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб., 2002. (Памятники русского фольклора).

Мендельсон 1897 — Мендельсон Н. К. К истории собирания русских былин // Этнографическое обозрение. 1897. № 4. С. 128—131.

Сборник 1916 — Сборник песен Забайкальского казачьего войска. Чита, 1916.

Сборник 2009 — Сборник песен Забайкальского казачьего войска / предисл., статья, примеч. В. С. Левашова. Чита, 2009.

Свод 2003 — Былины. Свод русского фольклора: в 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); редкол. Свода рус. фольклора: А. А. Горелов (гл. ред.) и др.; редкол. сер. «Былины» Б. Н. Путилов (гл. ред.) и др. Т. 3. Былины Мезени. СПб., 2003.

Смирнов 1991 — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю. И. Смирнов. Новосибирск, 1991.

Смирнов 1994 — Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994.

Смирнов 2010 — Смирнов Ю. И. Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010.

Справка 1915 — Краткая историческая справка о Донских казачьих полках 1812 г. // Донская церковная старина. Вып. 4. 1915. С. 32—42.

Summary. *The article is devoted to Russian bylinas from Transbaikal region. It provides analysis of the 2008 record of the fairy tale about Ilya Muromets and Nightingale the Robber, which unequivocally demonstrates the existence of the corresponding bylina among Transbaikalian Cossacks.*

Keywords: *Russian bylinas, Ilya Muromets and Nightingale the Robber, folklore of Transbaikalia.*

А. Г. ИГУМНОВ

(Улан-Удэ)

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА ОДНОГО СЕЛА

Аннотация. *В статье рассматривается репертуар мифологической прозы одного села. Автор описывает градацию текстов по соотношению в них рационального и мифологического. Высказывается предположение, что ее актуальность есть необходимое условие сохранности и самой мифологической традиции.*

Ключевые слова: *мифологический репертуар, сохранность традиции.*

Мифологический рассказ — одно из самых долговечных явлений традиционной культуры, сохраняющих свою актуальность до настоящего дня. В силу этого какие-либо обобщающие его характеристики требуют внимания не только к его архаической составляющей, но и к результатам возмущающего воздействия современности¹. Так, Л. Н. Виноградова, говоря о значимости «суевренных рассказов и демонологических поверий» для этнологии, особо отмечает, «что этот комплекс текстов отражает характер взаимоотношений человека со сверхъестественными силами». И далее конкретизирует: «Представления о вторжении духов в земной мир во многом определяют и обрядовое, и бытовое поведение людей, живущих с оглядкой на незримо присутствующих рядом с ними вездесущих демонов или на возможные козни со стороны “знающих” людей. При общем негативном отношении к персонажам нечистой силы человек вынужден в определенных случаях прибегать к их услугам...» и т. д. [Виноградова 2006, 214]. Это утверждение, безусловно, справедливо применительно к традиционной культуре в некоем реконструируемом целом, однако очевидно, что мера распространенности и актуальности этих пред-

¹ Одно из самых очевидных последствий этого влияния — мотив «врачи не справляются с болезнью, но знающий человек справляется легко», что не только обогащает смысловую структуру текста, но и способствует его сохранности.